

Варнсдорф, Карлштейн адресует их группе «отношение к лицу», точно так же ойконимы *Валберг, Кромпахи* по смыслу должны фигурировать в группе «вещественное обозначение» (т. е. топонимическая метонимия) и т. д.

При этом вторичное использование иноязычных топонимов для номинации географических объектов на метафорической основе непоследовательно включает-ся то в группу «иноязычные имена» (*Табор*, с. 33), то в соответствующую семантическую группу. Например, топоним *Америка* фигурирует в подгруппе «удаленность» группы «общее отношение и свойство» (с. 37). Судя по иллюстративному материалу, метафоры в классификации вообще редко принимаются во внимание. Так, название *Кобыла*, входящее в топонимию обычно в качестве географического термина, а не названия животного, приведено тем не менее в группе «животные» (с. 40). Названия явно одного ряда, идущие от указания на температуру воды, — *Тепlice* и *Studenec* — оказались в классификации в разных рубриках (с. 33).

Включенные в исследование топонимические карты интересны, составлены они квалифицированно. Но карты эти слишком уже автономны: они никак не связаны с текстом словаря. Было бы уместным и желательным как-то прокомментировать эти карты во вступлениях (или отдельных текстах), сослаться на них в соответствующих словарных статьях. Отметим также, что карты № 3 и № 9 посвящены ареалам несущественных для топонимики фонетических различий. При этом на карте № 3 рассмотрен суффикс *-агу*, *-агу* «служебных» названий населенных мест (*Бечвары*, т. е. «Бочары» и т. д.). Но разве суффикс *-агу*, *-агу*

имеет какое-либо отношение к топонимическому словообразованию? Он образовывал названия лиц по профессии, т. е. действовал на дотопонимической стадии, а уже эти готовые названия могли становиться именами селений по феодальной повинности либо преимущественному занятию жителей. Приведенная в словаре классификационная схема совершенно справедливо отмечает, что «служебные» названия образовывались просто формой множественного числа (с. 28). И ойконим *Бечвары* образован точно так же, как, скажем, ойконим *Златники*. Выделение здесь суффикса *-ары* попросту неправомерно. Отметим, кстати, что и суффикс *-на*, выделяемый авторами в качестве топонимического (с. 22), не всегда является таковым. Во всяком случае, название части города Брно *Lesná* взято от готового, существующего в чешском языке прилагательного *lesní*, а не специально образовано топонимическим суффиксом *-ná* от существительного *les*.

В целом же топонимический словарь И. Люттерера, М. Майтана и Р. Шрамка «Географические названия Чехословакии» — явление выдающееся, важный этап и своеобразный итог большой и многоплановой исследовательской работы чешских и словацких ономастов. Специалисты получили ценную и надежную сводку современных данных по истории и этимологии важнейших топонимов ЧССР. Читатели-неспециалисты, которым под видом топонимики обычно предлагается лишь набор наивных «туристских легенд», имеют, наконец, достоверное, доступное и вместе с тем глубоко научное описание рождения и жизни географических названий.

Карпенко Ю. А.

Копыленко М. М., Саина С. Т. Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. — Алма-Ата: Наука, 1982. 112 с.

Работа М. М. Копыленко и С. Т. Саиной представляет собой оригинальное социалингвистическое исследование синхронного состояния казахско-русского двуязычия в четырех областях Казахской ССР (Алма-Атинской, Семипалатинской, Кокчетавской и Кызыл-Ординской), выполненное методом анкетирования с применением способа квот. Всего было роздано свыше 4,5 тыс. анкет. Полученные ответы были обработаны на ЭВМ и представлены в виде различных таблиц и схем, на материале которых проводился содержательный анализ данных, делались необходимые обобщения и выводы.

Новаторский характер данной монографии может быть понят на основе сравнения с подобными исследованиями как в нашей стране, так и за рубежом. Так, например, изучение двуязычия американскими социалингвистами (Дж. Фишман и др.) опирается на теорию «малых групп» (семья, профессиональная группа)

и не позволяет сделать обобщения относительно целого региона или страны. С другой стороны, широкий подход ряда отечественных социалингвистов, основанный на данных переписи населения и соотношения языковой продукции на различных языках (количество издаваемых книг, газет, журналов, радиопередач и т. п.), несколько оттеснял самих носителей двуязычия.

Выяснение роли русского и казахского языков в различных социальных ситуациях и в устах различных слоев казахского населения — основная задача рецензируемой работы. Для решения данной задачи авторы разработали оригинальную анкету из 13 так называемых «закрытых вопросов», подразумевающих получение стандартных ответов более чем по 50 позициям.

Рецензируемая книга состоит из предисловия, введения, пяти глав, заключения и приложения.

Во введении рассматривается роль социальных и демографических факторов в развитии и функционировании русского языка в Казахстане от периода добровольного присоединения Казахстана к России до наших дней.

В I главе излагаются методы социолингвистических исследований, причем наиболее подробно рассматривается метод анкетирования и его преимущества (скорость исследования и незначительные материальные затраты, надежность и объективность получаемых результатов в связи с использованием современной вычислительной техники). На с. 20—22 приводится анкета для жителей города, а на с. 22—24 — для жителей села.

Главы II и III являются центральными, основанными на качественной интерпретации результатов анкетирования городского (II гл.) и сельского (III гл.) населения. Здесь авторы прослеживают различия в использовании русского языка двуязычными представителями казахского населения в зависимости от их демографических (пол, возраст) и социальных признаков (образование, профессия и др.). В этих главах устанавливается определенная корреляция между социально-демографическими признаками информантов и характером использования ими казахского или русского языка в различных ситуациях общения (общение в семье, с друзьями, с коллегами, выступление на собраниях, чтение специальной и художественной литературы и т. п.). Полученные результаты носят нестандартный характер. Покажем это на примере влияния образования на использование русского языка. Общая, ставшая тривиальной гипотеза гласит: чем выше образование, тем шире использование русского языка. Она подтверждается исследованием, но при этом получены очень интересные конкретные данные. Например: 1) информанты, получившие гуманитарное образование, реже прибегают к использованию русского языка, чем получившие естественно-научное или техническое образование; 2) в неофициальных сферах общения (друзья, переписка) использование русского языка имеет еще большие ограничения.

Глава IV представляет собой фактически обобщение материалов предыдущих двух глав, она рассматривает общность и различие в использовании русского языка жителями города и деревни. Здесь же проанализирован очень важный показатель двуязычия — степень владения русским языком представителями города и деревни. Для выяснения этого вопроса был разработан специальный тест (см. с. 86 и сл.) и критерии оценки.

Глава V посвящена рассмотрению русских вкраплений в казахских художественных текстах. Обычно речевые вкрапления рассматриваются с точки зрения их структурных особенностей. Авторы рецензируемой книги обратили внимание на их функциональные особенности, т. е. в качестве стилистического средства. Несмотря на оригинальность данного подхода и интересный фактический материал, эта глава представляется нам связанной довольно слабо с предыдущими. Вероятно, лучше было бы дать ее в приложении.

На основе своего исследования авторы приходят к очень важным выводам (см. заключение, с. 107): 1) хотя позиции русского языка в республике значительно укрепились, это не привело к снижению роли родного — казахского языка; 2) наоборот, за годы Советской власти сферы использования казахского языка значительно расширились (средства массовой информации, область художественной, политической и научной литературы, образования и т. п.); 3) имеющиеся различия в территориальном использовании русского языка связаны с конкретной демографической и национально-языковой ситуацией данного региона; 4) русский и казахский языки не конкурируют друг с другом на территории Казахстана, а дополняют друг друга, их использование в каждой конкретной ситуации обусловлено потребностью в наиболее экономном и целесообразном удовлетворении коммуникативных потребностей общества в целом.

Материал книги убедительно показывает, что миф о насильственной русификации нерусских народов и их языков не имеет под собой никакой почвы. Практически использование русского языка как языка межнационального общения не сказывается отрицательно на внутриэтническом общении на родном языке.

Теоретическая ценность работы М. М. Копыленко и С. Т. Саиной заключается в разработке методов и приемов социолингвистических исследований, которые могут быть использованы и в других регионах нашей многонациональной страны. Практическая ценность их исследования заключается в том, что полученные данные важны для научного обоснования языковой политики в зависимости от языковой ситуации в различных областях Казахской ССР.

Данная монография представляет интерес не только для социолингвистов, но и для социологов, демографов, педагогов, историков и партийных работников.

Карлинский А. Е.